
Глава 24. Занятия боевыми искусствами

Завтрак оказался на редкость обильным. Матушка Лю приготовила семь или восемь видов угощений: дымящуюся кашу, пышные баоцзы, изысканные пирожные и лепешки с сочной начинкой. Лу Чуань невольно вздохнул — даже в своей прошлой современной жизни он никогда не завтракал столь роскошно.

Он прекрасно понимал, что его молодой супруг вырос в доме хоу и привык к неге и заботе, так что подобная разборчивость в еде была делом естественным. Сам Лу Чуань вряд ли смог бы обеспечить такой уровень жизни, но, поскольку у гээра был собственный капитал, он мог со спокойной душой «вкушать мягкий рис», позволяя супругу содержать себя.

«Хм, а эти баоцзы и впрямь чудесны. И мясная каша очень недурна»

За едой они почти не разговаривали. Лу Чуань решил, что в доме хоу свято чтут правило «молчать, когда ешь, и не говорить, когда спишь», а Се Нин просто никак не мог забыть утреннюю неловкость и пока не решался заговорить первым. К тому же юноша и вправду проголодался: вчера вечером ему досталась лишь чашка лапши. Он был молод, полон сил, но и энергии тратил немало.

После завтрака в деревню прибыли слуги дома Се, оставшиеся на ночлег у старосты. Бай Юй распорядился погрузить приданое Се Нина на телеги, чтобы отправить его в городскую резиденцию; здесь решили оставить лишь подарки для обряда возвращения в родительский дом.

Мать Се продумала всё до мелочей. Опасаясь, что в семье зятя может не найтись достойных подношений для визита к родителям, она сама подготовила всё необходимое. Получалось, что дары просто пройдут из левой руки в правую, зато престиж её сына и достоинство зятя в глазах света не пострадают.

Лу Чуань, разумеется, обеими руками поддержал эту затею. Он принимал заботу тёщи с чистой совестью. Если бы он взялся собирать подношения на свои скромные средства, то наверняка опозорил бы Се Нина, а его супруг — такой красивый и гордый — заслуживал лишь самого лучшего.

Бай Юй отправился со слугами в город, матушка Лю хлопотала на кухне, а Хэ Хуа, оглядевшись и почувствовав себя лишним между господином и зятем, поспешил на помощь к старой няне.

В гостиной Лу Чуань и Се Нин остались одни. Юноша чувствовал себя крайне неудобно. Было

неловко просто сидеть рядом с этим человеком, неловко оттого, что он не знал, чем заняться, и еще более неловко — от затянувшегося молчания.

Лу Чуань, напротив, наслаждался временем наедине, но вскоре заметил беспокойство Се Нина.

— Нин-гээр, чем ты обычно любишь заниматься в свободное время? — спросил он.

Эта тема мгновенно оживила Се Нина.

— Я люблю читать книжные сказания и заниматься боевыми искусствами, — выпалил он.

Едва слова сорвались с губ, Се Нин понял: беда. Перед свадьбой мать тысячу раз наказывала ему ни в коем случае не выдавать мужу, что он умеет сражаться. Но стоило на миг расслабиться, как он всё выболтал.

Мать Се всегда твердила: мужчины не терпят, когда их половина сильнее их, особенно в ратном деле. Супругу-гээр полагалось уметь скрывать свои таланты и казаться хрупким.

— Боевыми искусствами? — Лу Чуань негромко рассмеялся. Для выходца из семьи потомственных военных в этом не было ничего странного. — И каким же оружием ты владеешь?

Прожив здесь некоторое время, Лу Чуань уже знал, что в этом мире не существует техник легкости из фэнтезийных сериалов, но люди, владеющие боевыми искусствами, были на редкость ловки. Одолеть сотню врагов в одиночку они бы не смогли, но раскидать десяток — вполне.

Се Нин искоса взглянул на Лу Чуаня. По лицу мужа не было заметно, что он недоволен. Тогда он осторожно спросил:

— Тебя это не смущает?

— А что здесь должно меня смущать? — искренне удивился Лу Чуань.

Се Нин замялся:

— Ну... то, что я, гээр, совсем не силен в вышивке и рукоделии, зато обожаю воинские упражнения?

Лу Чуань мягко улыбнулся:

— У каждого свои увлечения. Тебе просто не по душе кропотливая работа иглами, ты предпочитаешь размах и силу боевых искусств. Это совершенно нормально.

Видя, что Се Нин молчит, Лу Чуань добавил:

— Среди гээров и женщин редко кто берется за оружие. Ты наверняка единственный такой на десятки ли вокруг. Это по-настоящему впечатляет.

Услышав похвалу, Се Нин окончательно успокоился. Похоже, его муж вовсе не был похож на тех людей, о которых предупреждала мать, — он не боялся силы своей пары.

«Поистине великодушный человек»

Настроение его резко взлетело. Стоило кому-то начать им восхищаться, как он уже не мог удержаться от хвастовства.

— О, я владею многими видами оружия! — с жаром начал он. — Прямой меч, копье, тяжелое дао, кнут... Я во всем этом разбираюсь. Могу даже молотом махать!

Лу Чуань не скрывал изумления. Он и представить не мог, что его молодой супруг окажется таким умельцем. В современном мире он наверняка стал бы чемпионом по ушу. В душе Лу Чуаня поднялась волна гордости: такой выдающийся человек теперь принадлежит ему.

— Ты настоящий мастер, Нин-гээр. Прими мое искреннее восхищение! — Лу Чуань даже почтительно сложил руки в жесте приветствия.

Се Нин смущенно опустил глаза, едва сдерживая улыбку. Впервые кто-то, кроме родных, признал его талант. Посторонние, узнав, что гээр изучает ратное дело, обычно либо охали от изумления, либо тут же начинали смотреть с презрением. Се Нину было плевать на их пересуды, но порой он и сам задавался вопросом: правильно ли он поступает? Лишь поддержка отца и братьев помогала ему не бросать любимое дело.

— Коль скоро ты владеешь столькими искусствами, не согласишься ли ты когда-нибудь показать мне пару приемов? — улыбнулся Лу Чуань. — Очень хочется взглянуть на это воочию.

Се Нин и сам был не прочь покрасоваться, но тут же помрачнел.

— Все мечи и сабли мать велела оставить дома. Она запретила мне привозить их с собой.

В его голосе зазвучала досада. Родительница и впрямь спала и видела, чтобы он стал обычным гээром из порядочной семьи — целыми днями корпел над пальцами и забыл дорогу в тренировочный зал.

Лу Чуань, видя его расстройство, поспешил утешить:

— Сейчас в нашем доме совсем мало места, оружие просто некуда было бы пристроить. Но когда мы переберемся в городскую резиденцию, почему бы тебе не съездить в поместье хоу и не забрать всё своё добро?

Се Нин радостно хлопнул в ладоши:

— А ведь это отличная идея! Но тогда ты сам должен будешь сказать матушке, что не против этого.

Если Се Нин сам попросит оружие, мать наверняка откажет, но если за него замолвит слово зять — дело примет совсем иной оборот.

В ту минуту мать Се еще не знала, что её сын в первый же день после свадьбы выболтал все её секреты и уже вовсю планирует вернуться к своим мечам и копьям. Но даже если бы она узнала, ей пришлось бы смириться — раз уж муж не против, зачем ей самой становиться злодейкой? В конце концов, сын уже замужем, и о его репутации можно было больше не печься.

— У меня в кабинете есть новые книжные сказания, не хочешь взглянуть на них? — предложил Лу Чуань, сменив тему.

Это предложение воодушевило Се Нина еще больше. Из-за свадебных хлопот он уже сто лет не брал в руки интересных книг. Он вскочил с места и одобрительно похлопал Лу Чуаня по плечу:

— А ты смысленый! Мне это нравится.

Они переместились в кабинет. Разговор о знакомых сюжетах быстро растопил лед, и от утренней натянутости не осталось и следа. Лу Чуань достал с полки книгу и протянул её Се Нину.

Тот взглянул на обложку и не удержался от восторженного крика:

— Это «Сказание о Чжэньнян»?!

Лу Чуань подтвердил его догадку. Из их переписки он прекрасно знал, как сильно Се Нину полюбилась эта история. Книжная лавка Ханьмо как раз на днях отпечатала пробные экземпляры, и Лу Чуаню, как автору идеи, прислали один из первых томиков. Массовая продажа должна была начаться в первый день следующего месяца — осталось совсем недолго.

Се Нин в восторге перелистал страницы, но вдруг замер и подозрительно посмотрел на мужа.

— Погоди... В лавке Ханьмо говорили, что сказание только готовится к печати. Как оно могло оказаться у тебя сейчас?

Лу Чуань понимал, что скрывать правду нет смысла, да и не хотел он ничего утаивать от своего гээра.

— Посмотри вот сюда, — Лу Чуань указал пальцем на место, где обычно печатали имя автора.

Там значились два псевдонима: Господин Жунчжай и Господин Буси. О Жунчжае Се Нин слышал, а вот о Буси — нет.

«Буси... Вечное течение. Неужто...»

Се Нин во все глаза уставился на Лу Чуаня, пытаясь найти подвох. Тот лишь кивнул, подтверждая его догадку:

— Это я.

Юноша замер. Его муж оказался автором его самой любимой книги?! В его глазах читалось полное неверие: они ведь столько обсуждали этот сюжет в письмах?! Когда до него наконец дошел смысл сказанного, Се Нин едва не запрыгал от радости.

— Тогда ты знаешь, что будет дальше? Чем всё закончится?

Лу Чуань спокойно ответил:

— В конце госпожа Су выйдет за другого, а Чжэньнян разведется с молодым господином Ляном. Она заберет ребенка, вернется в семью Су и унаследует всё их дело.

— И они с господином Ляном больше не будут вместе? — выдохнул Се Нин.

— Нет. Этот человек больше никогда их не увидит.

Такой финал стал для Се Нина полной неожиданностью — всё было совсем не так, как в обычных слащавых историях.

За обсуждением «Сказания о Чжэньнян» они и не заметили, как пролетело время. Им снова казалось, что они ведут свою бесконечную переписку, только теперь в глазах Се Нина, смотрящего на мужа, прибавилось искреннего восхищения.

Матушка Лю, наблюдавшая за ними из кухни, увидела, как молодые ушли в кабинет, и велела

Хэ Хуа подать им чай. Тот, вернувшись, взволнованно нашептывал няне:

— Зять с молодым господином обсуждают какое-то сказание, говорят наперебой, так складно у них всё получается! А зять-то как на нашего господина смотрит — глаз не сводит, улыбается всё время. Видно, что любит его без памяти. И господин к нему тянется, никакой натянутости нет.

Под «кем-то» подразумевался Лянь Инцзе, но с тех пор как Се Нин вышел замуж, это имя больше не упоминали. Матушка Лю наконец немного успокоилась. Хоть молодые люди еще мало понимали в жизни, она-то знала: раз до середины ночи в спальне было тихо, значит, брачной ночи в её истинном смысле не случилось. Она уже и так, и эдак гадала: то ли зять холоден, то ли супруг не подпускает, а то и вовсе зять немощен... Но теперь, видя, как ладно они общаются, она поняла — чувства придут. Видимо, вчера они просто слишком вымотались.

Се Нин уютно устроился на кушетке с книгой. Поначалу он еще немного стеснялся, но, заметив, что Лу Чуань за ним не наблюдает, постепенно расслабился. Сам Лу Чуань устроился за столом, упражняясь в каллиграфии и заучивая тексты. Заметив краем глаза расслабленный и ленивый вид супруга, он невольно улыбнулся.

День прошел незаметно. После обеда они вернулись к своим занятиям: один читал, другой писал. Навещать старших сегодня было не нужно, так что они провели время в свое удовольствие.

Уже к вечеру Се Нин увидел, что Лу Чуань наконец отложил кисть. Он подошел поближе и взял со стола один из листков.

— Почерк стал куда лучше, чем в твоих письмах. Рука больше не болит? — спросил он.

В письмах Лу Чуань объяснял небрежность письма тем, что повредил руку.

— Почти зажила, — ответил Лу Чуань. — Скоро я смогу писать так же, как прежде.

Прежний владелец тела практиковал лишь строгий канцелярский стиль гуаньгэти, необходимый для экзаменов, не имея собственного почерка. Лу Чуань уже вполне освоил его и скоро мог полностью копировать оригинал.

Тут юноша словно что-то вспомнил и с надеждой посмотрел на мужа:

— Говорят, ты был настоящим гением: в двенадцать лет стал сюцаем, а в пятнадцать уже мог сдать на цзюйжэня. Если бы не беда в семье, ты наверняка стал бы самым молодым ученым в столице. Значит ли это, что ты сможешь стать Чжуаньюанем или Таньхуаланом?

Лу Чуань на мгновение замер.

«Чжуанъюань? Таньхуалан? Неужто я и впрямь могу на такое замахнуться?!»

<http://bllate.org/book/15313/1354406>